

Юлий ГУСМАН:

Встр. к. у. б. - 2002;
- 11 апр. - с. 10

ЗА ЧЕТЫРЕ ГОДА МИХАЛКОВ ТАК И НЕ ПОПРОБОВАЛ УСЛЫШАТЬ ЧЬЕ-ЛИБО МНЕНИЕ, КРОМЕ СВОЕГО

— Какие у вас сейчас отношения с Никитой Михалковым?

— Во-первых, я (и это не для красного словца) испытывал, испытываю и всегда буду испытывать огромное уважение к творчеству режиссера и актера Никиты Михалкова. Я отношусь к тем людям, которые не становятся неистовыми врагами кого-то в зависимости от того, «наш» он или не «наш». Я могу с ним расходиться в позициях по поводу Дома кино или судьбы премии, мне может не нравиться политика Михалкова в общественном плане, но творчество его для меня остается абсолютной ценностью, и так будет всегда, как бы наши дороги ни разошлись. Во-вторых, я считаю, что Михалков — очень значительная фигура, и не хотелось бы превращать наш конфликт в спор Москвы со слонем или в бодание теленка с дубом. По ряду причин мы находимся в разных весовых категориях. И как кинорежиссер, и как харизматик Михалков занимает исключительное место в нашей стране.

— При встрече здороваетесь?

— В последнее время мы с Михалковым здоровались, и даже тепло, потому что пытаемся отделить личное от общественного. Как это будет развиваться дальше — вопрос. Хотя всю жизнь (а знакомы мы с ним более 30 лет) у нас с ним были замечательные отношения. Мы никогда не были друзьями или собутыльниками, но казалось, что он должен так же принимать мои хорошие качества и мои таланты, как я его. И у нас должны быть взаимные симпатия и уважение.

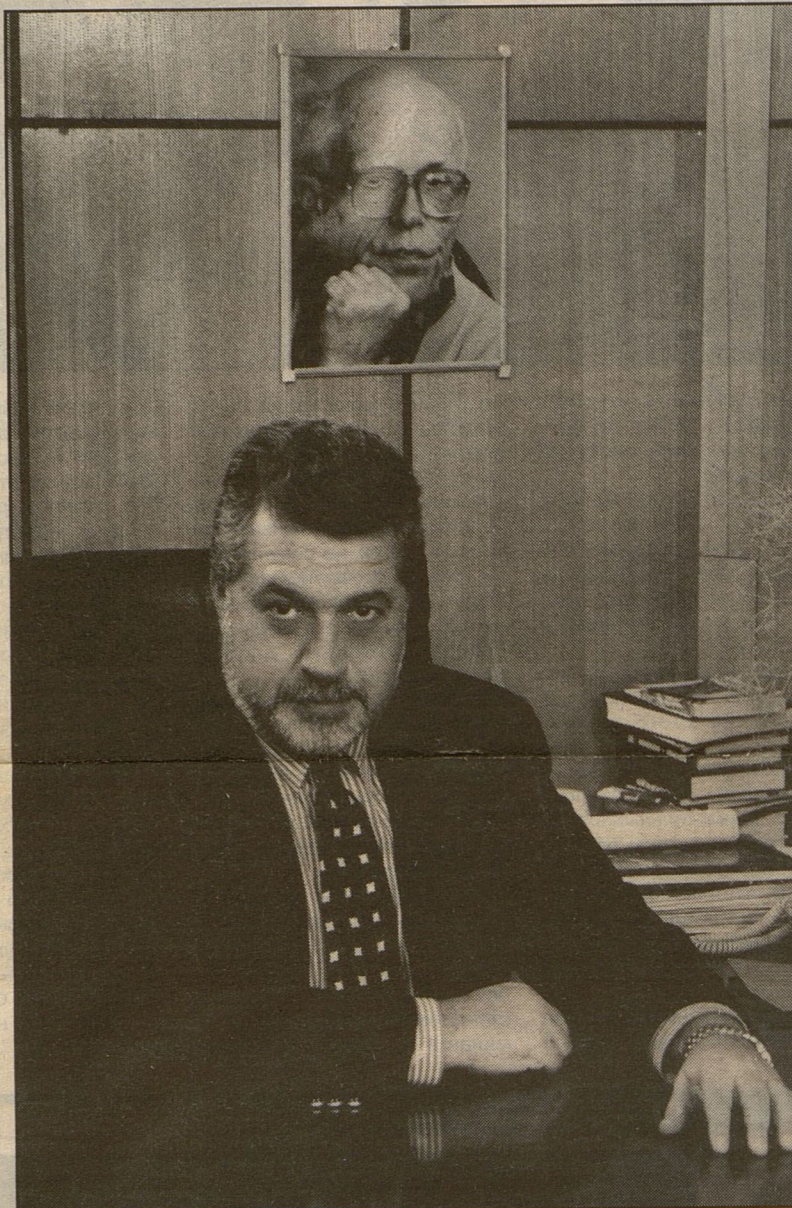
— Почему же их не стало?

— Четыре года назад на съезде Михалкова избрали в первый раз председателем Союза кинематографистов. Тут вдруг обнаружилось, что Центральный Дом кинематографистов является как бы «нижестоящей» организацией и относится к сфере влияния Союза. Соответственно мы становимся автоматически окружением Никиты Михалкова, он — хозяином, бесспорным лидером, вождем.

За Михалковым стоит мощная финансово-промышленная группа его родственников и друзей. Он прислал во все подведомственные учреждения аудиторов собственной фирмы «Барклай». Нам это было просто морально неприятно — проверяют своих же. Как ни удивило это Михалкова, работали мы чисто, что для бизнесменов нереально. Теперь уже четыре года проверяющие сидят с нами в одном здании. Как мы живем, они видят, и убедились, что, имея возможность зарабатывать на стороне, мы поклоняемся Дому кино как храму и никогда не используем его в коммерческих целях. Последний оплот духовного в кинематографе мы, простите за пафос, не дали приватизировать. При этом могу сказать: поскольку я вырос в Баку, где всегда ублюдочная экономика сочеталась с социализмом, то знаю прекрасно, как Дом кино сделать частично или полностью своим. Но мне всегда казалось просто очень постыдным отнимать последнее у людей, которые за время перехода от социализма к капитализму потеряли все — работу, возможность творить. И теперь отнять у них Дом кино, выпитую чашечку кофе, общение? Так что тезис о том, что нужно использовать собственность, чтобы зарабатывать деньги, здесь не работает. Мы стремимся к тому, чтобы поддерживать тепло в доме. Меня огорчало, что за все эти четыре года Михалков так и не попробовал услышать чье-либо мнение, кроме своего.

— Значит, конфликты были только экономические?

Легендарный капитан КВН и вдохновитель премии с победным названием «Ника» встречает меня довольно эмоционально: «Ну, я вам скажу, Никита совсем с ума сошел. Сожрать хочет «Нику». Директора Дома кино занимает сейчас только одна проблема — борьба «Золотого орла», претендующего на статус национальной награды, с «Никой», этот статус отстаивающей. Недавно стало известно, что ОРТ и РТР транслировать «Нику» в апреле отказались.

— У нас с ним был один идейный конфликт — в 1992 году. Связан с фильмом «Урга», который шел тогда на три премии — за лучшую режиссуру, картину и главную мужскую роль, что на мой взгляд было абсолютно справедливо. Но поскольку премия у нас, как ни странно, честная, и я никогда не вмешиваюсь, дали только один приз — за режиссуру. Это Михалкова безумно обидело, а он человек, который не прощает и не забывает обиды. Счастливым он себя не почувствовал, и с тех пор постарался сделать так, чтобы не чувствовали себя счастливыми и мы. За этот год, например, впервые в истории Михалков ввел милицию в борьбу за несколько комнат Конфедерации кинематографистов. Это чудовищно, потому что с коллегами так поступать нельзя. Началась великая отечественная киновойна.

— Для вас борьба за статус «Ники» — это поза, общественная необходимость или внутренняя потребность?

— Думаю, поза здесь ни при чем. Какая уж поза, когда столько лет пахнешь, придумываешь и гордишься своим ребенком? Можно по-другому спросить: это ваши личные амбиции, задело за живое, что отнимают игрушку? Да, элемент личной обиды присутствует. Вместо памятного человеку, 15 лет великолепно организуемому, придумываемому, охраняемому Дом кино, создавшему

«Нику», его (то есть меня) заставляя вдруг отмыкаться от фраз, самая безобидная из которых — «легитимный двурушник». Но нельзя же с мутной водой интриг, клеветы и гадостей выплескивать здорового и талантливого ребенка, который только стал на ноги и которому только 15 лет. Это же абсолютный нонсенс. Нельзя постоянно играть с историей, и каждый раз уничтожать все старое до основания, а потом строить свое светлое будущее по новой.

— Почему это делает Михалков?

— Он очень умный человек. Дело в союзе не движется. Кроме конфликтов, войн и приватизации фестивалей и зданий ничего хорошего не произошло. Работа в Союзе ему надоела: тысячи людей, в основном небогатых, требующих социальной помощи. Им надо давать пенсии, лечить. Как это ни грустно, хоронить. Что отвлекает. Собственный банк Михалкова, который финансирует проекты, требует возврата долгов. Финансово-промышленная группа «Никос», принадлежащая Михалкову и его зятю, — специалист по обанкрочиванию организаций и выкачиванию денег. Так они вели себя в Волгограде. Вся эта шушера, все люди, необходимые для голосования на съезде, его абсолютно не интересуют. Он никакой не общественный деятель, а человек, нацеленный на себя, которого интересуют только он и

его дела. И что происходит? Есть роскошный дом в центре Москвы — с офисами и залом. Который денег не приносит, а приносит головную боль. Есть люди, которые вручают главную национальную кинопремию без него, как хотят. Более того, жульничают, как он думает. И главное, не вручают ему по первому требованию и не стоят по стойке «Смирно!» Рождается идея создать элитную организацию — Академию. С почетными членами, корреспондентами, инсайдерами. Этакую императорскую Академию художеств 1909 года. И профсоюз — маргинальную структуру, куда войдут все остальные — от механиков до монтеров. Там они будут базарить, решать проблемы. Профсоюз, причем, — идея абсолютно бредовая. Потому что туда, по мнению Михалкова, должны входить одновременно работодатели (продюсеры и руководители студий), наемные работники (техническое звено кинематографа) и творцы, продающие свой труд по договорной цене. Нигде в мире такой организации быть просто не может. Потому что профсоюз имеет одну цель — бороться за профессиональные права. А не сводить работодателя с клиентом. Вот так, блефуя и используя хорошо отработанную в нашей стране «машину для голосования» (что Михалков делает мастерски — собирает людей и быстренько все проталкивает, не имея конкурентов), «великий оscarоносец» и «простой режиссер» по сути приватизирует все, что хочет. Такая трогательная попытка на глазах у любимого народа забрать как можно больше. Первым был Московский кинофестиваль. Теперь пришла очередь «Ники». А то мешает, какие-то там Гусманы и Мережки копошатся. А так будет Киноакадемия. Красивые бумажки, подразделения, департаменты, наука, индустрия — все. «Ника» породила более трехсот премий, нас разворовали. Тот же «Золотой орел» повторяет все наши номинации кроме одной или двух. Даже фантазии не хватает придумать свое. И желания, потому что дальше-дальше, быстрее-быстрее. Летать по миру, зарабатывать миллионы, нет времени остановиться и подумать.

— Какая премия больше соответствует стандартам «Оскара»?

— Да ни та, ни другая. Нам до этого еще далеко.

— Возможно ли примирение? Если да, то на каких условиях?

— Да, мы готовы на договор. И готовы быть премией менее крутого полета, чем «Орел». Пусть «Ника» не такая масштабная. Ну и что? Мы займем свою нишу, а они будут высоко парить. В Италии 300 фестивалей, в театральном мире шесть премий. Почему надо начинать такое хорошее предприятие, как Академия, с удавления другого хорошего дела — «Ники»? Это только боязнь конкуренции, импотенция.

— Вы бы вышли на сцену получить «Золотого орла»?

— Вряд ли мне бы его дали. Хотя я снимаю сейчас свой фильм и очень надеюсь, что когда-нибудь он все же выйдет на экраны. А что, получил бы. Лично мне, в отличие от более привередливых коллег, любая награда приятна.

— На ваш взгляд, какое название более выигрышное?

— Странный вопрос. Конечно, «Ника» — символ победы. А премий с названием «Золотой орел» уже очень много.

— Что будете делать, если «Ника» закроется?

— Такого не случится!

Встречалась
Ника ДРАБКИНА

232

11.402
Гусман Юлий
2002

11.402